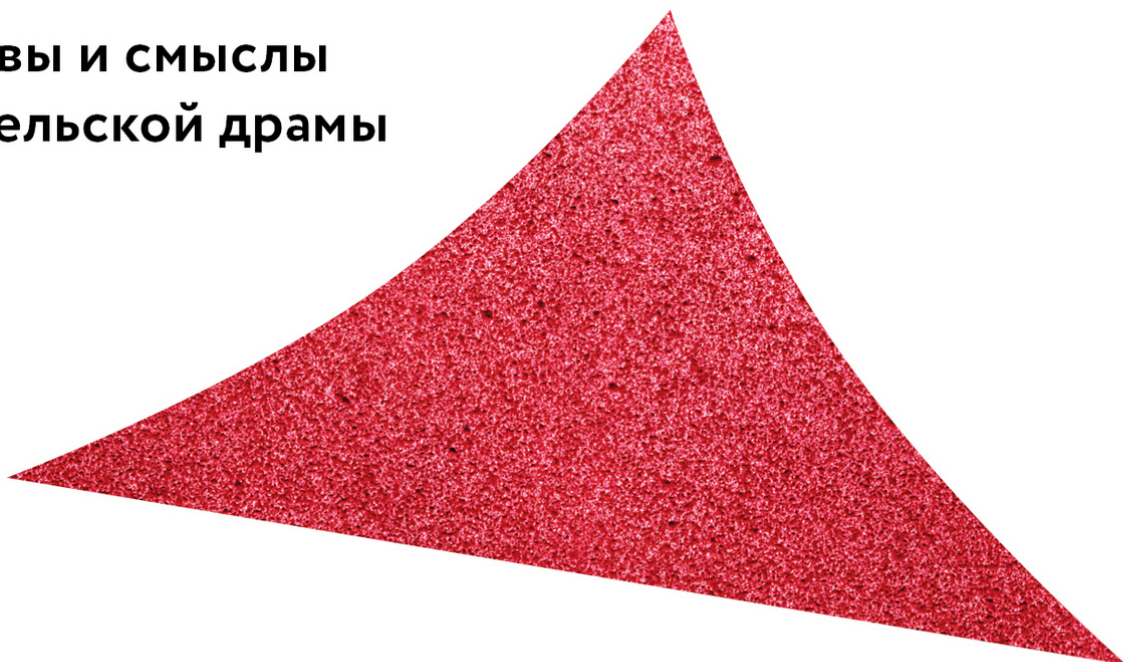
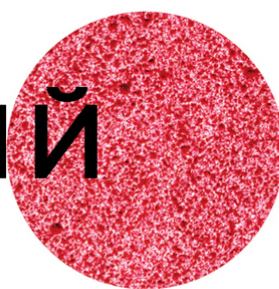

Дарья Сивашенкова

ВОТ ИУДА, ПРЕДАЮЩИЙ МЕНЯ

Мотивы и смыслы
евангельской драмы

МОЛОДОЕ ВИНО

Молодое вино

Дарья Сивашенкова

**Вот Иуда, предающий
Меня. Мотивы и смыслы
евангельской драмы**

«Никея»

2020

УДК 242
ББК 86.372

Сивашенкова Д. В.

Вот Иуда, предающий Меня. Мотивы и смыслы евангельской драмы / Д. В. Сивашенкова — «Никея», 2020 — (Молодое вино)

ISBN 978-5-907202-69-6

История Иуды Искариота – одна из самых трагичных в истории человечества. Совершенное им гнусное предательство стало символом низкого падения, а сам он из живого человека превратился в синоним страшного греха. «Но как такое могло случиться с учеником Христовым, с одним из двенадцати Его ближайших друзей?» – задается вопросом автор этой книги. Ее жанр лучше всего охарактеризовать словами «художественное богословие». Это попытка воочию увидеть евангельскую драму: предательство и судьбу предателя. Не претендуя открыть истину в последней инстанции, автор, обращаясь к библейским текстам, к толкованиям святых отцов и размышлениям современных исследователей, предлагает свои ответы на неразрешенные вопросы в «деле Иуды», свое видение и проживание евангельской истории.

УДК 242
ББК 86.372

ISBN 978-5-907202-69-6

© Сивашенкова Д. В., 2020
© Никея, 2020

Содержание

Предисловие	6
Вступление	8
Обзорная экскурсия	10
Три года со Христом	12
Иуда, один из Двенадцати	12
«Он был вор»	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Дарья Сивашенкова
Вот Иуда, предающий Меня. Мотивы
и смыслы евангельской драмы

*Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви ИС
Р19-917-0642*

Предисловие

Безусловно, самый «популярный» из всех учеников Иисуса Христа – это Иуда Искариот. Если в опросе общественного мнения надо будет перечислить имена апостолов, то Иуда будет фигурировать чаще других. Историю о предателе, о тридцати сребрениках и поцелуе в Гефсиманском саду знает каждый, читавший и не читавший Евангелие.

Несмотря на это и на кажущуюся хрестоматийную простоту случившегося, история Иуды – это сплошная загадка. Почему Христос выбирает Себе в спутники вора и изменника, да еще и доверяет ему казну апостольской общины? Отчего Иуда три года верен Ему, а потом предает? Как может человек всего за несколько часов сперва пасть до самого ужасного греха – предательства на смерть Сына Божьего, – а затем стремительно раскаяться даже до самоубийства?

За две тысячи лет написаны десятки объяснений: от традиционных церковных толкований до гностических манускриптов, от скрупулезного следования евангельскому тексту – до вольного полета художественной фантазии.

Но век за веком, поколение за поколением возвращается к вопросу предательства Иуды, пытаясь найти ответ, который удовлетворил бы и логике, и здравому смыслу, и христианской истине. Мы вновь и вновь заглядываем в темную бездну человеческой души.

Попытки решить этот вопрос «с наскока» или, наоборот, ища в нем какие-то эзотерические глубины приводят порой к прискорбным выводам, в которых Господь предстает не благим, а, напротив, проявляет изощренное коварство, чтобы понадежнее погубить душу Иуды. Или же закрываются глаза на ясное евангельское свидетельство ради того, чтобы оправдать предателя, окружив его романтическим или мученическим ореолом.

Но и те из авторов, которые не порочат имя Господа и не ставят под сомнение тексты Библии, не дают полного объяснения случившемуся, оставляя в этой истории «слепые пятна» или излагая версии, не согласующиеся с Писанием и здравым смыслом. И оттого полученные ответы удовлетворяют ненадолго. Я думаю, эта книга станет некой опорной точкой для всех, кто в будущем захочет обратиться к этой теме и разобраться в ней.

Книга Дарьи Сивашенковой сочетает в себе глубокий горячий интерес к евангельской драме и взвешенный, логически выверенный подход. При всем откровенно личном отношении автора к произошедшему, она не проявляет слабину, не пропускает ни одной неясности и ни одной подробности, не пытается сгладить острые углы.

В результате картина предательства и раскаяния становится ясной, логически понятной, психологически достоверной и согласованной с текстами Ветхого и Нового Заветов. Книга опирается на широкий круг источников и научной литературы: от раннехристианских апокрифов до современных научных работ по библеистике, психологии и т. д. И все увязывается в единую картину, от ветхозаветных пророчеств до статей по судебной медицине.

Отдельно хочется отметить яркий, живой язык книги: читать ее захватывающе интересно! Казалось бы, всем известный сюжет – но оторваться от текста невозможно до самой последней строчки, и до самой последней строчки он будет удивлять.

А самое главное, невзирая на то что речь идет о предателе и предательстве, по прочтении становится ясно, что эта книга – а значит, и вся эта история! – в конечном итоге о Христе. Именно Господь является ее главным героем, именно в Нем находятся ответы на самые болезненные вопросы. Как удивительно раскрывается образ Спасителя через Его взаимоотношения с Иудой! Этот образ дает надежду всем нам, имеющим темные и неприглядные закоулки нашей души.

*Протоиерей Петр Коломейцев,
клирик храма свв. Космы и Дамиана в Шубине (Москва),*

заместитель декана факультета психологии Православного института св. Иоанна Богослова Российского православного университета

Вступление

Иерусалим, Виа Долороса¹,

шоль

– За тридцать таких сребреников Иуда предал Христа.

Хозяин антикварной лавки вкладывает мне в руку серебряную монету. Она неожиданно весома, тяжела и холодна.

Наверное, тридцать таких монет весили немало даже для мужских ладоней. Не очень большие, они как раз и должны были поместиться в сложенные ковшиком мужские руки. Цена Христа и цена души.

И внезапно мне стало зябко посреди раскаленного Иерусалима.

Зачем ты их взял?

Ну зачем?

* * *

Жанр этой книги лучше всего охарактеризовать словами «художественное богословие». Это попытка воочию увидеть евангельскую драму: предательство и судьбу предателя.

Он давным-давно стал символом, стал не более чем именем нарицательным, которое и писать-то можно с маленькой буквы. На иконах его всегда рисуют так, чтобы молящийся не встретился с ним глазами. Его преступление навсегда заслонило его самого – одного из апостолов, избранников Христовых. Из живого человека он превратился в синоним самого страшного греха – и поделом.

Но Евангелие написано не о символах, а о живых людях, и сколько бы лет ни лежало между нами, жизни в них не становится меньше. Евангелие написано для каждого из нас, открывая его, мы оказываемся современниками Христа, становимся лицом к лицу с Ним и с теми, кто Его окружает. Мы не просто читатели, мы участники Его жизни.

И как живы мы, так живы те, о ком повествует Евангелие. Кто-то к вечной славе, а кто-то к вечному позору.

Судьба Иуды сочтена кровью предателя и кровью Господа. Эта кровь не высохнет до конца времен.

Его история плотно, как смирительной рубашкой, обернута авторитетными святоотеческими объяснениями и сведена на уровень назидательного нравоучения: воровать и предавать плохо, а вешаться еще хуже.

Я не хочу с этим спорить: действительно, плохо.

Я хочу поглядеть в глаза живого человека, на все времена ставшего образом самого гнусного предательства и самого бесплодного раскаяния.

Поглядеть и спросить:

Иуда, что ты сделал с Ним?

Иуда, что ты сделал с собой?

---

¹ *Виа Долороса* (лат. *Via Dolorosa*, букв. «Путь Скорби») – улица в Старом городе Иерусалима, по которой, согласно христианскому преданию, пролегал путь Иисуса Христа к месту распятия.

* * *

Не думаю, что для кого-то станет сюрпризом краткий пересказ случившегося: уж эту историю знают абсолютно все, читавшие и не читавшие Евангелие. Иуда Искариот, один из двенадцати апостолов Иисуса Христа, предал Учителя властям за тридцать сребреников и поцеловал Его в Гефсиманском саду, указав таким образом Христа пришедшим арестовывать Его солдатам. Но утром, увидев, что Он осужден, раскаялся, вернул эти кровавые деньги и повесился.

Эта история разобрана на символы почти полностью: само имя Иуды стало клеймом, тридцатью сребрениками называется любая морально нечистая выгода или плата, всякий лукавый знак внимания обзовут «поцелуем Иуды», и буквально повеситься нельзя, чтобы не припомнили того, кто повесился после Гефсиманской ночи.

Это совершенно не мешает предательству Иуды оставаться самой нелогичной, самой необъяснимой историей Нового Завета.

Потому что не существует внутренне непротиворечивой версии, которая бы соединила в себе эту историю от начала до конца: от ветхозаветных пророчеств до новозаветных апокрифов.

Ты хладнокровно предал Учителя за тридцать сребреников, не ища ничего, кроме выгоды? – но как мог оказаться рядом с Христом человек такой чудовищной внутренней испорченности, если Писания прямо говорят об обратном?

Ты желал «подтолкнуть» Христа к тому, чтобы Тот в прямом столкновении с властями объявил Себя Мессией и Царем и освободил Свой народ от римского гнета? – но, если цель блага и даже возвышенна, отчего Христос так строго осуждает тебя, называя «сыном погибели»? И почему ты не прислушался к словам Того, Кого искренне считал своим Царем?

Ты разочаровался в Нем и желал переметнуться на сторону «сильных мира сего», подзаработав при этом? – но отчего тогда так быстро и беспощадно настигает раскаяние? Ты просто не мог не понимать, на что предаешь Христа, осуждение никак не могло стать сюрпризом.

Ты покорно выполнил свое предназначение или даже прямой приказ Учителя поступить именно так, ибо так предначертано? – но отчего же Учитель не позаботился о твоей судьбе и не спас тебя от мук раскаяния и от петли? Мог ли Христос поступить так со Своим учеником, не утешить, не ободрить, бросить одного на растерзание совести?

Так что же заставило одного из Двенадцати выдать Учителя властям? С точки зрения разума это абсолютно бессмысленный шаг в пустоту. Иуда не получает ничего, а теряет совершенно все: смысл жизни и саму жизнь.

Зачем?!

Этот вопрос прозвучит в книге несчетное количество раз. Докапываться до подлинного смысла этой истории – все равно что просить хлеба в развалинах давным-давно покинутого дома.

Я не претендую открыть вам истину в последней инстанции. Это все-таки *художественное* богословие, тут будет много догадок и предположений, много деталей, возможных, но не обязательных.

Но у каждой догадки найдется основание. И ни одно предположение не возьмется из воздуха. А из подробностей будет вырисовываться цельный образ, а не разбитая мозаика.

Обзорная экскурсия

Эта книга не притязает на роль исторического исследования: и задачи, и цели, и формат у нее совершенно другой. Ее главный объект внимания – не масштабное полотно евангельской истории, а конкретный человек, в нее вписанный.

Но небольшой исторический экскурс сделать все же придется, чтобы наш разговор не висел в воздухе, а незнакомые имена и названия не заставляли лезть за справкой в интернет. Читатели, хорошо знакомые с Евангелием, могут пропустить эту главу без малейшей потери для себя.

Итак, первая треть первого века нашей эры, Палестина, окраина Римской империи. Что она собой представляет?

Правильный ответ – взрывоопасный котел.

Мира нет нигде и ни в ком.

Страна разделена на северную Галилею и южную Иудею, и два края взаимно терпеть не могут друг друга. Иудеи обвиняют северян в склонности к язычеству, в отступлении от Закона, в общем – в нечистоте веры. Северяне в долгу не остаются: Иудею считают предательски склонившей голову под римское ярмо, законничество иудеев вызывает у галилеян насмешки и обвинения в лицемерии. «Галилея! Галилея! Больше всего тебе ненавистна Тора!» – укоризненно говорят южные мудрецы. «Галилеянин любит славу, а иудей – деньги», – насмешливо отзываются им с севера.

«...даже Иерусалимский Талмуд свидетельствует, что галилеяне заботились более о славе, а жители Иудеи о деньгах... Но ученых школ галилеяне не заводили, и потому иудеи, гордые книжники и фарисеи, называли галилеян невеждами и глупцами; за неясное, неотчетливое различие в произношении галилеянами некоторых еврейских гортанных букв раввины иудейские не допускали их читать вслух молитвы от лица собрания и осмеивали их»².

Свидетельство этой вражды мы видим и в Евангелии: *Из Назарета может ли быть что доброе?* (Ин. 1: 46) – *Разве из Галилеи Христос придет?* (Ин. 7: 41) – *Рассмотри и увидишь, что из Галилеи не приходит пророк* (Ин. 7: 52).

Между Иудеей и Галилеей лежит еще и Самария, и северяне с южанами, при всех своих разногласиях, дружат против самарян. У тех свои представления о том, как и где следует служить и поклоняться Богу Израиля, и такое духовное вольнодумство вызывает неприятие и у иудеев, и у галилеян, которые, как ни крути, для поклонения ходят в один Иерусалимский храм.

В Галилее властям портят кровь зилоты – «ревнители», которых в наше время точно назвали бы террористами и бандформированиями. Эти люди наотрез не признают римскую власть и борются с ней самыми радикальными методами, убийство из которых – первый. Достается не только римлянам: под удар попадают и продавшиеся им соотечественники. Сборщики налогов, например.

В общем, на небольшом участке земли сошлись сразу несколько политических и религиозных сил. Одни из них с трудом, но уживаются между собой, между другими смертельная вражда. По этой земле ходят бесчисленные учителя, пророки, проповедники и просто мошенники, у них у всех различное количество учеников и лозунги разной степени экстремальности. Угроза бунта висит над Израилем постоянно.

Рим на все это смотрит довольно кисло.

---

² Жизнеописание св. равноап. Марии Магдалины // *Дмитрий Ростовский, свт. Жития святых*. В 12 т. (июль). Оптина пустынь, 1994 (репр.). Т. 7. С. 620.

Смотрит он глазами прокуратора Понтия Пилата, который предпочитает опираться не на любовь местного населения, а на римские когорты, находящиеся под рукой. Пилат сразу снискал нелюбовь израильтян чересчур жестоким и пренебрежительным отношением к этой земле и ее святыням, а главное, своим *modus vivendi*: видишь мятеж – топи его в крови.

Орган местного иудейского «самоуправления» – синедрион. Это высший государственный совет мудрецов во главе с первосвященником Иосифом Каиафой и его тестем Ханааном (в Евангелии – Анна). С римской властью они уживаются по принципу «а куда деваться» и вместе напоминают пауков в банке.

Народ традиционно не любит власть в целом и обе власти в отдельности. С римлянами все понятно: «Проклятые оккупанты, когда же мы их прогоним?» Все народные чаяния обращены к будущему Мессии, обещанному Писанием Царю Иудейскому, который, как истово верят люди, придет и свергнет римское иго. Любого царя хорошо любить, пока он в фантазиях. Самозванные мессии, надо сказать, появляются с завидной регулярностью, но ничем хорошим это не кончается, потому что у Пилата есть римские когорты. Мятеж, разгром, ждем следующего.

Синедрион тоже не вызывает в народе восхищения, потому что, разумеется, считается продавшимся и проримским. Отношение народа к власти не меняется никогда. Но никакой любви между синедрионом и Пилатом нет и в помине. Это очень ясно проявится в Евангелии, когда Каиафа только шантажом и угрозами нажаловаться в Рим выбьет из прокуратора согласие на смертную казнь для Христа.

Вообще Иосифу Каиафе приходится все время балансировать между угрозами со стороны Рима и со стороны собственных соотечественников. Горячие головы легко могут опрокинуть страну в кровавую баню, Каиафа это отлично понимает, поэтому к новоявленным мессиям, особенно с политическими претензиями, относится довольно нервно. Невзирая на народные толки, в душе он скорее националист и патриот, чем ренегат, и ему очень не хочется, чтобы римляне перебили полстраны из-за какого-нибудь выскочки.

Именно поэтому он так встревожен слухами о Христе, следит за Ним и в конце концов приходит к выводу, что Этого нужно убирать. Ничего личного, даже ничего духовного – исключительно политический вопрос, только государственная безопасность.

Тогда первосвященники и фарисеи собрали совет и говорили: что нам делать? Этот Человек много чудес творит. Если оставим Его так, то все уверуют в Него, и придут Римляне и овладеют и местом нашим и народом. Один же из них, некто Каиафа, будучи на тот год первосвященником, сказал им: вы ничего не знаете, и не подумаете, что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб. ...С этого дня положили убить Его (Ин. 11: 47–50, 53).

А поможет им в этом один из двенадцати учеников Христа – тот, который передаст Учителя в руки властям. Иегуда Иш Кириаф, или, как нам привычнее, Иуда Искариот, *который и предал Его* (Мф. 10: 4).

Три года со Христом

Иуда, один из Двенадцати

В те дни взошел Он на гору помолиться и пребыл всю ночь в молитве к Богу. Когда же настал день, призвал учеников Своих и избрал из них двенадцать, которых и наименовал Апостолами: Симона, которого и назвал Петром, и Андрея, брата его, Иакова и Иоанна, Филиппа и Варфоломея, Матфея и Фому, Иакова Алфеева и Симона, прозываемого Зилоном, Иуду Иаковлева и Иуду Искариота, который потом сделался предателем (Лк. 6: 12–16).

Итак, до предательства Иуда три года пребыл рядом со Христом.

Попробуем представить себе, каким он был – один из Двенадцати, избранный после той ночной молитвы.

Традиция нам рисует образ, близкий к карикатуре, а не к портрету. Лицемер и лжец, не верящий в Христа и Его Богосыновство, сребролюбец и карьерист, жадный до власти и денег, вор, крадущий деньги у своих, саботажник, желающий разрушить дело Христа с самого начала, дерзкий, бесцеремонный и наглый. Что в конечном итоге и привело его к предательству. Прямо-таки неудивительный итог.

«Человек алчный и корыстолюбивый, он присоединился к ученикам Господа, вероятно, в надежде на славу и богатство в будущем земном царстве Мессии. Мы знаем, что этой иллюзии не чужды были и другие ученики Спасителя, но в них она смягчалась и облагораживалась неподдельною любовью к своему Равви. У Иуды же, по-видимому, был один корыстолюбивый расчет»³.

А как же!

«Итак, алчность руководила этим человеком. Корыстолюбие залепило перед ним все перспективы духовного счастья, и, находясь около самого источника всякого духовного блага и радости, он не видел в Учителе ничего, кроме цены осужденного раба. Любовь к деньгам, к наживе довела его до преступления, величайшего в мире. Алчность родила это преступление. Алчность, быть может, самая низкая страсть в списке людских пороков и в то же время самая могущественная по своему влиянию на жизнь мира»⁴.

«О внешних благах царства Мессии помышляли и другие Апостолы, но именно сребролюбие оземлило Иуду, сделало его грубым материалистом, безусловно глухим к возвышенному учению Христа»⁵.

Сборище всех мыслимых и немыслимых недостатков, вплоть до телесных: святитель Николай Сербский считает его безобразным даже с виду.

«Христос никогда не сделал ни одного замечания по поводу тела человека. Он не сказал Закхею: „Как ты мал!“ Не сказал Иуде: „Как ты безобразен!“»⁶.

Дав одному из Двенадцати такую характеристику, с которой не в каждый притон пустят, толкователи невольно задумались: зачем же Спасителю потребовалась такая темная личность? Смирение тренировать Ему не требовалось, в *temento mori*⁷ Он не нуждался. Оттенять достоинства остальных апостолов, что ли? Чему такой человек мог учить, когда его посылали на

---

³ Василий, еп. Кинешемский. Беседы на Евангелие от Марка. М., 2016. С. 679.

⁴ Там же.

⁵ Богданевский Д.И., проф. Иуда Предатель // Православная богословская энциклопедия. Бесплатное приложение к духовному журналу «Странник». СПб., 1907. Т. 8. Стб. 686.

⁶ Николай Сербский, свт. Мысли о добре и зле. Минск, 2013.

⁷ Помни о смерти (лат.).

проповедь, как обращал ко Христу, если все в нем Христа отрицало? В наше время сказали бы, конечно, что черный пиар тоже пиар... но не Христу же им пользоваться!

В объяснениях толкователи упорно придерживаются раз и навсегда принятого мнения, отчего несурезица громоздится на несурезицу, доходя почти до прямого богохульства. Типичная ошибка, когда решение подгоняется под заранее известный ответ: в логике она носит именование «предвосхищение основания», *petitio principii*.

«Гораздо интереснее и важнее вопрос, почему Спаситель допустил в круг Своих ближайших учеников такого человека, каким был Иуда. Отвечая на этот вопрос, Амвросий говорит, что „Спаситель избирает и Иуду не вследствие неблагоразумия, но вследствие предусмотрительности, т. е. от него Христос хотел быть преданным, чтобы и ты, если тебя оставит друг, если будешь им предан, о своей ошибке и о тщете твоего расположения к нему судил умеренно“. Некоторые из позднейших экзегетов предлагали другие объяснения. Как в раю был змей или как в ковчеге Ноя был Хам, так и в среде учеников Спасителя мог быть Иуда»⁸.

Такая вот игра на контрастах. И еще, оказывается, Христос не только заранее знал Своего предателя (это да, это Евангелие), но и предусмотрительно выбрал такого, чтобы не очень жалко было, когда погибнет.

Понятно, что отвращение к предательству законным образом превратилось в отвращение и ненависть к предателю. Тень совершенного преступления полностью покрыла его, не оставив ничего незамаранного. Как красота в глазах любящего, так и уродство в глазах ненавидящего: поэтому все эти эпитеты логичны, понятны, объяснимы... и очень далеки от истины.

Если верить евангельскому тексту – а ориентируемся мы, естественно, в первую очередь на него, – Христос обладает удивительной особенностью привлекать к Себе людей. За Ним ходят толпы, Его слушают представители самых разных кругов, и никому не удастся остаться равнодушным перед молодым Равви. Его обожают, Его ненавидят. Ему стоит сказать лишь слово, чтобы мытарь бросил на землю собранные подати и пошел за Ним, а рыбаки оставили ради Него свои сети. В Его речах, которыми заслушиваются тысячи, – непонятная, немислимая сила. Харизма, как сказали бы сейчас, у Него потрясающая.

И такой Человек, насквозь всех видящий⁹, не может найти подход к одному из Своих ближайших учеников? Не знает, как и чем привлечь его к Себе, как достучаться до его души и сердца, чтоб там возникло хоть какое-то чувство, кроме сребролюбия? Будучи с ним рядом изо дня в день, из вечера в вечер, не только проповедуя при нем, но и ведя с ним живые дружеские беседы, деля хлеб, все радости и все невзгоды, так и не подобрал за три года ключ к его сердцу?

Кроме того, выбирая апостолов, Он выбирал себе не свиту, не прислугу и даже не просто учеников, которых можно гонять в хвост и в гриву, при этом в грош не ставя. Двенадцать – это самые близкие Ему, друзья в самом глубоком смысле этого слова. Первые люди на земле, перешедшие от рабства Богу к дружбе с Ним. *Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего* (Ин. 15: 15).

И Он трепетно относится к этой дружбе, очень нужной Ему по человечеству. Он вверяется апостолам, рассказывает то, что не рассказывает больше никому. Дружба с ними – в каком-то смысле отдушина для Него. Поэтому Он с ними возится, терпеливо отвечает на самые наивные вопросы и непродуманные предложения, вроде идеи спалить деревню за непочтительный прием (см.: Лк. 9: 54), прощает прекословие. Они по большей части не видят от Него ничего, кроме ласки. Он рассчитывает на них, полагается, любит их и ждет в ответ искренней любви.

---

⁸ Лопухин А.П. Толковая Библия или комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов. СПб., 1911. Т. 8. С. 198.

⁹ См.: *Иисус... знал всех и не имел нужды, чтобы кто засвидетельствовал о человеке, ибо Сам знал, что в человеке* (Ин. 2: 24, 25).

Ему откровенно нужна будет их поддержка в Гефсимании, в самую страшную ночь Его земной жизни.

Неужели же, выбирая Себе после ночной молитвы самых родных, самых доверенных людей, Он промахнулся, призвав того, с кем за три почти неразлучных года не стал близок ни на йоту? Вечное бельмо в глазу, напоминание о том, чем и как все закончится?

А зачем Ему Самому Себе так портить жизнь?

Тем более что такой спутник не мог не влиять в дурном смысле на других апостолов, о чем и пишут толкователи – что логично с одной стороны, но совершенно необъяснимо с другой:

«[остальные апостолы могли увлечься] примером Иуды, который по дерзости и наглости своего характера [...] мог увлекать своими мнениями прочих...»¹⁰.

Днями напролет Он, значит, учит апостолов всему хорошему, а потом смотрит сквозь пальцы, как один из них сводит на нет Его старания? А зачем Христу этот сизифов труд? Он же не Пенелопа, чтобы днем ткать покрывало, а ночами его распускать.

Стремление толкователей очернить Иуду и с самого начала противопоставить его одиннадцати ученикам доводит до обидного: остальные апостолы начинают играть при нем роль... массовки.

«Почему Господь не взял всех, а только троих учеников на Фавор? Потому, что Иуда не был достоин видеть Божественную славу Учителя, Которого он собирался предать, но Господь не хотел оставить его под горой, чтобы тот не мог этим оправдать своего предательства»¹¹.

Это что же получается: восемь человек лишены лицемерия Нетварного Света и вместо того сторожат и развлекают Искарюта, чтобы тот не заскучал и не «оправдал этим свое предательство»? А отчего бы Христу попросту не выгнать его за такие замыслы?

Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных и не сидит в собрании развратителей (Пс. 1: 1) – гласит первая же строка первого псалма. Так для какой нужды Спасителю призывать развратителя и грешника в компанию верных? Чем преодолевать последствия такого общения с нечестивым, не проще ли было его *не брать*?

Я уж не говорю о том, как такое представление характеризует самого Иуду. Провести три года бок о бок с Учителем и не создать с Ним никакой душевной связи, а ограничиться лишь меркантильным расчетом – для этого нужно быть или эмоционально тупым, как пивная пробка, или социопатом в медицинском смысле этого слова¹²: человеком с крайне ограниченными способностями формировать привязанность. Это, конечно, не лечится, но это и не судится.

Бесспорно, традиционная версия: «Продал Христа за тридцать сребреников, вот вступило в голову, пошел и продал», как нельзя лучше укладывается в этот образ. Очень характерный для социопата подход: вчера Учитель, а сегодня – товар для торга, который можно выгодно сбавить. Однако надо все-таки отдавать себе отчет, что этот образ за гранью психической нормы, это уже болезнь. Если все дело было в душевном недуге, ничто не мешало Спасителю попросту исцелить Своего ученика и не допустить трагедии.

Боюсь, дело обстояло несколько сложнее.

Если смотреть шире, если читать не только евангельский, но и ветхозаветный текст, то стандартный шаблон рушится с треском. Ничего не могу сказать по поводу внешности Искариота, хотя почему-то сдается мне, внешность там была самая типичная для уроженца юга. Но когда мы откроем ветхозаветные пророчества о Христе и Его предателе, то прочитаем там

---

¹⁰ *Инокентий Херсонский, свт.* Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа. М., 2003. С. 89.

¹¹ *Николай Сербский, свт.* Библейские темы // Собрание творений. В 12 т. М., 2018. Т. 1. С. 195.

¹² *Социопатия* – диссоциальное расстройство личности – расстройство личности, характеризующееся антисоциальностью, игнорированием социальных норм, импульсивностью, иногда в сочетании с агрессивностью и крайне ограниченной способностью формировать привязанности. Подробнее см.: *Полов Ю.В., Вид В.Д.* Современная клиническая психиатрия. М., 1997. С. 286–289.

совсем о других отношениях, в которых нет ничего от социопатии и ничего от расчета. На эти пророчества ссылается Сам Христос, поэтому и мы можем довериться им.

...ибо не враг поносит меня, – это я перенес бы; не ненавистник мой величается надо мною, – от него я укрылся бы; но ты, который был для меня то же, что я, друг мой и близкий мой, с которым мы разделяли искренние беседы и ходили вместе в дом Божий (Пс. 54: 13–15).

Даже человек мирный со мною, на которого я полагался, который ел хлеб мой, поднял на меня пяду (Пс. 40: 10).

«Друг мой, близкий мой, то же, что и я, наперсник мой в сокровенных тайнах и попутчик в дом Божий, человек, на которого я полагался...» Короче говоря, человек предельно близкий душевно и духовно.

И это – лжец? Лицемер? Беспринципный карьерист? Социопат, помешанный на деньгах? Христос доверял вору?

А какие еще оксюмороны вы знаете?

В том-то и беда, что Иуда не просто апостол и ученик. Он Ему близкий и родной друг. И это делает всю историю предательства куда трагичнее, куда тяжелее, чем если бы Иуда вправду был привычной нам карикатурой. От такого – чего еще ждать?

А вот от близкого, искреннего друга, которому вверяешь всего себя, перенести такой удар намного тяжелее. Недаром в словах 54-го псалма звучит живое, искреннее человеческое горе: «Ну ты, как ты-то мог так поступить со мной?!»

Из Ветхого Завета о Мессии мы знаем:

- Дева забеременеет и родит Сына,
- Его предаст друг,
- Он будет убит.

И про предательство, и про судьбу предателя Ветхий Завет повторяет столько раз и так разнообразно (псалмы 40, 54, 68, 108), что становится очевидно: это предельно важно! Это не проходной мотив и не случайность. Очень важно, что воплотившегося Бога передаст в смерть один из Его близких. Как Дева, принимая волю Божью, родит Сына в жизнь, так один из близких Господа, приняв волю сатаны, своими руками предаст Его в смерть, какой бы странной и дерзкой ни казалась эта параллель между Иудой и Богородицей.

Невозможность, невыносимость предательства Иуды в том и заключается, что это творит близкий для Христа, доверенный друг, на которого Он полагался все эти годы, родной, любимый человек. Сатана соблазняет на грех не чужака, а своего, потому что вешать предательство на чужого бессмысленно – в том и суть, что отречься от Христа и отдать Его на смерть должен *свой*. Тот, от кого Христос не закрывается, которому доверяет, как Себе. И сатане совратить такого куда слаще.

И Христу от этого куда больнее. Разрыв проходит по живому и ранит Христа: псалмы твердят о том, что Ему *больно*. 54-й псалом – просто кровавые слезы. Да, Иисус знает о таком повороте заранее, да, Он предупреждает об этом учеников задолго до того, как у Иуды появляется сама мысль о предательстве; но три года Христос ему доверяет, считает его близким человеком, достойным и искренних личных бесед, и общественных денег. Любит его.

В общем, вопреки сложившимся представлениям, до поры до времени это вполне достойный человек. Умный – раз Христос ведет с ним искренние беседы. Сдержанный, внимательный, заслуживающий откровенности – раз Спаситель открывает ему сокровенные тайны. Надежный, верный и ответственный, раз Иисус доверяет ему и полагается на него, в том числе в денежных вопросах. Умеющий любить и любящий – потому что только такой человек может стать близким другом Христу.

И вот тут действительно хочется потрясенно спросить Иуду: да как же могло случиться, что ты стал предателем? От лжеца, социопата, сребролюбца и лицемера сложно было ожидать иного – но не от тебя же!

Как тебя угораздило?

«Он был вор»

И все же в Евангелии есть недвусмысленное свидетельство того, что он был вор и доверием Христа был облучен зря. Так что же, ошиблись пророчества, ошибся Христос или ошибаюсь я?

И сама загадка, и ключ к ней лежат в рассказе Иоанна о помазании Христа миром за несколько дней до распятия. Но этим ключом надо еще открыть правильный замок, потому что его вечно суют не туда, и получается не отпертая, а взломанная дверь. Да еще и не та.

Мария же, взяв фунт нардового чистого драгоценного мира, помазала ноги Иисуса и отерла волосами своими ноги Его; и дом наполнился благоуханием от мира. Тогда один из учеников Его, Иуда Симонов Искарот, который хотел предать Его, сказал: для чего бы не продать это миро за триста динариев и не раздать нищим? Сказал же он это не потому, чтобы заботился о нищих, но потому, что был вор. Он имел [при себе денежный] ящик и носил, что туда опускали (Ин. 12: 3–6).

Обычно эту историю и вывод из нее понимают «в лоб»: Иуда вознегодовал, потому что деньги прошли мимо кассы, а следовательно – мимо его собственного кармана. «Лучше бы ты продала это миро и отдала деньги мне, а я бы уж нашел, как ими распорядиться», – словно говорит Иуда, а Иоанн как бы расшифровывает окончательно: Искарот не заботился о нищих, а деньги предпочитал присваивать. В греческом тексте на месте слова «носил» стоит куда более выразительное «таскал»¹³: он таскал из ящика то, что туда опускали. Вор и есть вор, и это сразу резкое снижение образа: человеком, который ворует у своих, можно лишь гнушаться.

Но если не побрезговать и вчитаться в эту историю чуть внимательнее, то и возражение Иуды, и пояснение Иоанна царапают, словно гвоздь, торчащий из текста. Особенно пояснение Иоанна. С него и начнем.

Сказал же он это не потому, чтобы заботился о нищих, но потому, что был вор. Он имел [при себе денежный] ящик и носил, что туда опускали.

Итак, Иуда о нищих не заботился. Иуда брал для себя деньги из казны. Его возмущение при помазании Христа миром – и лицемерие, и негодование об упущенной выгоде. Казалось бы, все ясно.

Но чуть ниже, рассказывая о Тайной Вечере и об уходе Иуды, Иоанн пишет:

А как у Иуды был ящик, то некоторые думали, что Иисус говорит ему: купи, что нам нужно к празднику, или чтобы дал что-нибудь нищим (Ин. 13: 29).

И получается, что вор до самого последнего момента был казначеем общины, и в том числе по слову Христа оделял деньгами нищих. Но как это могло быть, учитывая всеведение Христа, о котором пишет все тот же Иоанн?

И это о чужих людях. А уж о Своих-то учениках Он и подавно знал все досконально. Не могло же такого быть, чтобы Его апостол, казначей, за Его спиной и неведомо для Него воровал из общей казны деньги?

Что же, Дух Святой зачем-то открыл Иоанну то, о чем предпочитал молчать Сам Христос? Но Дух Святой чужие грехи не открывает, Господь никого не выставляет на позор и на людское судилище. «Благий Бог терпит нас с любовью и никого не выставляет на позор, хотя и знает, как сердцеведец, наше греховное состояние»¹⁴.

Господь не будет вытаскивать на белый свет наши тайные грехи, чтобы швырнуть их на немилостивый людской суд. Он, скорее, наоборот, прикроет нас, желая быть нашим единствен-

---

¹³ Ин. 12: 6: ἐβάσταζεν – таскал, уносил.

¹⁴ Паисий Святгорец, прп. О страсти обличать внутрицерковные болезни [Электронный ресурс] <https://omiliya.org/article/o-strasti-oblichat-vnutricerkovnye-bolezni-prepodobnyu-paisiy-svyatogorec> (дата обращения: 21. 07. 2019).

ным Судьей. Об отношении Христа к людскому суду мы знаем из истории о чуть не побитой камнями блуднице (см.: Ин. 8: 3–11).

Одно дело – рассказать про предательство, потому что про него и так все знают. Другое – выставить на всеобщее обозрение еще один грех, до того сокрытый – и Христом, между прочим, вслух ни единожды не проговоренный. Тем более что тему любви к деньгам Иоанн потом вообще никак не обыгрывает. Можно было бы понять рассказ о воровстве у евангелистов-синоптиков, которые перекинули бы смысловой «мостик» между краденными деньгами и полученными сребренниками, но Иоанн, в отличие от Матфея, Марка и Луки, предпочитает о тридцати сребренниках молчать.

Поэтому все-таки маловероятным мне кажется, что Святой Дух открыл Иоанну новые, прежде скрытые грехи Искарриота.

Или, быть может, все всё знали? Знали апостолы, знал и Сам Иисус, как Иуда обходится с деньгами, о его жестокосердии к бедным... Знал? И никак не препятствовал этому? До самого конца терпел рядом с Собой вора, и не просто терпел, но не мешал ему воровать? Но зачем? Почему? Ведь это называется вводить во грех и потакать греху.

То уже поразительно, что Спаситель, отбивавший Себе ближайших Двенадцать, ночь в молитве проведенный перед этим, зачем-то призвал нераскаянного вора. Но, в конце концов, если Иуда действительно воровал деньги из казны, можно было попросту с ним распрощаться. Что такой человек мог проповедовать? Мало, что ли, в Галилее честных людей – взял бы Иисус на его место одного из семидесяти, да того же Матфея, которому и так суждено было заменить Иуду.

Хорошо, Христос сострадателен и милосерд, а Иуда, будучи уличен, искренне раскаялся и просил прощения. Пусть не выгнать, но хотя бы предупредить: мол, еще раз – и вылетишь из апостолов, ахнуть не успеешь! Он там точно не единственный умел деньги считать, на крайний случай еще бывший мытарь Матфей есть, ему можно казну передать, он привычный.

Нет. Иуда до самого конца вор. И казначей до самого ухода с Тайной Вечери. Удивительное сочетание. Абсолютно невозможное.

Традиционное толкование ясности в этот вопрос не привносит.

«Но почему же Иисус Христос, зная, что Иуда вор, позволил ему быть хранителем денежного ящика? Конечно, ради этой слабости Иуды, чтобы он, удовлетворяя таким образом своему сребролюбию, не продал из-за этой своей страсти Учителя»¹⁵.

То есть Христос пытался удержать ученика от предательства, попустительствуя воровству. А что еще ему можно было разрешить, лишь бы не допустить измены: убийство? прелюбодеяние? лжесвидетельство?

Схожую мысль высказывает святитель Иоанн Златоуст:

«...это для того, чтобы отнять (у Иуды) всякое извинение. В самом деле, он не мог сказать, что сделал это (предал Иисуса) по любви к деньгам, так как находил достаточное удовлетворение своей страсти в ковчеге; нет, это он сделал по великому нечестию, которое Христос хотел обуздать, оказывая ему снисхождение. Поэтому Он и не обличал его в краже, хотя и знал об этом, чтобы тем обуздать его злое пожелание и отнять у него всякое оправдание»¹⁶.

Логика святителя ясна: не обличая малый грех, Христос хотел уберечь Иуду от большего. Но как можно обуздать нечестие, «оказывая снисхождение» греху, от которого человек не отстает? Разве вор, чье преступление раз за разом остается безнаказанным, не распускается от этого вконец? И неужели Христос полагал, что нарушение заповеди «не укради» не помещает спасению, если удастся удержать Иуду от предательства?

---

¹⁵ *Евфимий Зигабен*. Толкование на Евангелие. СПб., 2000 (репр. 1887). С. 661.

¹⁶ *Иоанн Златоуст, свят.* Толкование на Евангелие от Иоанна. М., 2016. Беседа 47. С. 661.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.